

Недавно ушел из жизни наш земляк, замечательный человек и писатель Юрий Парфентьевич Панов. Многие междуреченцы читали его произведения о нашем городе, его предприятиях, его людях. Полтора года назад Юрий Парфентьевич завершил главное, как оказалось, произведение своей жизни – документальное повествование "СИБЛАГ ГУЛАГа". В память о выдающемся земляке газета "Вечерний Междуреченск" публикует отрывок из этого произведения.

ОДИН ИЗ СТАРОЖИЛОВ
Томусы Иван Пестриков служил в охране в женской зоне, которая находилась в Сосновом Логу. Его семья проживала в Сыркашах – напротив, через реку. Самому в ту пору, о какой я веду рассказ, когда он влюбился в зэчку Шуручку, только что исполнилось шестьдесят лет. Его отправили бы на пенсию, но людей для охраны в этих местах не хватало, а человек он был исполнительный, и его оставили на службе.

И вот после юбилея Ивана охватили те самые чувства, какие большинству из нас знакомы по нашей разне что юности. Он знал, что любви все возрасты покорны, и не стал сопротивляться охватившим его чувствам. Когда-то он увидел, приблизился, прижался к молодой, полногрудой деревенской красавице и в буквальном смысле потерял покой. В Сыркашах, где его ждали с сумкой сухого пайка и зарплатой, он ходить не стал, для своей зарплаты и продуктов он нашел другой путь. Ему хотелось, чтобы Шуручка не похудела, чтобы щеки ее не потеряли румянца, и не остыло к нему ее горячее тело. Подкармливал он ее как мог. Но Шура была не из деревенских простушек. Опытные женщины научили ее уму-разуму. Она поняла, что есть возможность иметь не только синицу в руках, но и журавля в небе.

На работе Иван был на хорошем счету, а в последнее

время он особенно старался, проявляя такое рвение, что начальство закрыло на все глаза. На работе он стал оставаться круглосуточно, и начальство это ценило. Иван не пил, паек ему было куда определять. Дети его все были в возрасте, все имели семьи, а к своей старушечке он давно остыл.

Шура была на все согласная. Она клялась в верности до гроба и обещала скрасить всю оставшуюся Иванову жизнь. А если он еще и поможет ей досрочно освободиться, то он от нее еще не такое будет иметь. Одна мысль о том, что ей ночевать придется в зоне, убивает в ней чувства, какими она буквально пылала к нему. Иван это чувствовал и понимал. Не сидел бы он сутками на вахте, а лежал бы в тепле и миловался с Шурой за цветастой ширмой. От мысли о тепле и печке, о цветастой ширме у него кружилась голова. Он не раз уже обращал-

ся с просьбой к своему начальству помочь досрочно освободить Шуручку для их совместной жизни. Обещал не оставлять работу, но служить будет только днем. На него не действовали уговоры трезвых от любви начальников. Он никого не хотел слушать.

Надо сказать и о том, что Шура была далеко не красавица и обладала далеко не сногшибательной фигурой. Это только Ивану казалось, что Шура лучше всех женщин, каких он когда-либо встречал. Будь она другой – Ивану бы не досталась, там ребята помоложе его в охране ходили. Шура была молодая и соответствовала вкусу и запросам Ивана Пестрикова. Переубедить его мужики уже не пытались. Все равно не поймет, старый пень.

Начальство у Ивана оказалось с понятием, не резон было ему терять работника, и решил помочь Ивану овладеть его счастьем на воле, стало хлопотать о досрочном освобождении Шуры "за примерное поведение и ударную работу". В их силах было освободить ее из-под охраны на расконвойку, и они сделали это. Шура вышла из ворот зоны и бросилась в объятия Ивана. Иван привел ее в Ольжерас к своим знакомым в небольшую избенку на берегу Усы. В избешке и без того было тесно от множества ребятни и взрослых. Но это временно, как говорил Иван, потом он найдет более подходящую квартиру. Пока Шурины документы об освобождении ходят в Сталинск, пока она не получит паспорт, – на этот срок им нужен угол. Месяца на два, не больше. А там Иван что-нибудь придумает с жильем, может, сплит и свою избенку.

Срок свой Шура получила во время хлебосдачи. В колхозе работала, на Алтае, и возили они тогда на лошадях хлеб сдавать государству. Умудрились с подружкой скрыть от бригадира один куль с пшеницей, спрятали его, хотели еще один добыть – подружке. Продать ту пшеницу, и на вырученные деньги купить материала на платье. Что

голодные работали – ладно, а вот лишнего платишка не было, смениться не во что было. А ведь девками были, хотелось и на вечерки ходить. Кто-то, как у нас это бывает, увидел заначку подруг, доложил, куда следует. И дали подругам по пять лет. До полного освобождения Шура оставалось два года. Тут, на ее счастье, и подвернулся со своей любовью Иван. И Шура решила: лучше прожить два года с немощным Иваном, чем в зоне да на лесоповале. А там – куда выведет.

Пришли документы о досрочном освобождении, Шура в несколько дней получила паспорт. Теперь она свободна! Теперь ни на одном посту вплоть до Сталинска ее уже не задержат.

А Иван загрустил. Надо готовиться ехать в Мыски в ЗАГС – оформлять брак. Теперь у него была одна забота и одна боль – не потерять Шуру. Она уже вольная птица, возьмет да и вспорхнет, улетит навстречу весне. На дворе стоял март, весной пахло с каждым днем все сильнее и сильнее.

Не теряла времени даром и Шура. Вот-вот должны прекратиться рейсы машин из Сталинска, уже сейчас на дороге кое-где невозможно проехать, распустило в низинах, а тепло с каждым днем теперь будет прибывать. Шура договорилась с шофером, что как только он разгрузится, так сразу ее возьмет. И вот Шура, тепло попрощавшись с хозяйкой временного постоя, села в кабину к молодому веселому парню и была такова!

Иван с работы вернулся на квартиру в сумерках, промолил ноги, измотался на нет.

— А где Шура? – спросил с порога.

— Сказала, к соседям пошла, часа два уж как прошло...

Иван прошел в свой угол, и тут все понял. Все Шурины новые вещи, что он дарил, лежали на стуле, но ни документов, ни старых вещей ее не было. Все же обошел соседей, искал и спрашивал в магазине, в клубе, на посту через переправу.

Юрий ПАНОВ.

Никто не видел в тот день Шуру, словно ее здесь никогда и не было, – показалось Ивану. И с каким же равнодушием отвечали ему люди! А что происходило в его, хотя и остывающей уже душе! Ему хотелось завить на ледяную и такую же равнодушную сейчас к нему Луну. Вот здесь, на берегу Усы, ему хотелось сесть и разреваться. До него дошло, что Шуру он больше никогда не увидит, нет ее здесь.

Любовь к Шуре стала для Ивана Пестрикова непроходимой, неизлечимой болезнью. Вскоре он не мог уже нести свою караульную службу, и его уволили "по собственному желанию". В начале лета, когда просохли все дороги, он отправился на поиски возлюбленной на Алтай. Нашел село, в котором жили ее родители, но Шуры там не оказалось. Она к тому времени жила в городе и работала на производстве. У нее был паспорт! Иван вернулся в Томусу и запил. В Сыркашах его никто не ждал, старуха его отвергла как "изменщика". Отреклись от него и сыновья. Иван приходил к хозяевам квартиры, где они с Шурой снимали угол, просил хозяйку помочь ему вернуть возлюбленную: "Может, знаешь какой-нибудь заговор?"

Хозяйка была женщиной с юмором. "Ты, Иван, – говорила она ему, – зови ее через трубу. Но надо звать только на холодную печь, до того, как я ее затоплю. Говорят, помогает..."

Иван несколько дней по утрам открывал дверцу печи и кричал имя своей возлюбленной:

— Шу-у-ра! Вернись! Шу-у-ра! Вернись!

— Ты погромче, Иван, кричи, чтобы до нее дошел твой голос-то. Шибко, видать, она далеко, если уж который день не слышит, не глухая же она.

Иван старался, кричал во весь голос. Сажа, ошеломленная его голосом, воздухом изо рта, металась по топке, осыпалась на лицо. Когда он отрывался от печи, все, кто был в доме, – взрослые и дети, а часто и соседи, зашедшие "случайно", падали от смеха. Иван походил на черта, только что вылезшего из печи. И еще несколько дней с раннего утра он опускался перед печью на колени и звал в открытые дверцы свою Шуру.

Шура канула в вечность. Иван вскоре уехал в Берензас к родственникам и там, рассказывали, умер от смертной тоски по молодой алтайской женщине. Ни жена, ни сыновья его не хоронили.

